

Зачинщик

Шпет. Густав Ягуставович,
Томск, Колпалеевский п. 9 кв. 2

В ночь с 14 на 15 марта 1935 г. я был арестован в Москве; по окончании следствия административно выслан в Енисейск на 5 лет. В ноябре того же года меня перевели в Томск, где я нахожусь и поныне.

(После попыток связать меня с различными лицами и группами лиц) следствие предъявило мне обвинение /по ст. 58, 10-11/ в том, что я возглавлял антисоветскую группу, сложившуюся в период существования Гос. Ак. Худ. Наук /т.е. до 30 г./ и состоявшую из проф. Габричевского А. Г., Петровского М. А. и Ярхо В. И. Материалом обвинения послужили показания Петровского и Габричевского, арестованных и допрошенных примерно в одно время со мною. Голословность и бездоказательность этих оговоров настолько вынуждены были признать и следственные органы. Никаких конкретных показаний, которые раскрывали бы, в чем выразилось мое "руководство" группой, мне предъявлено не было. Следствие не обратило внимание даже на то, что с одним из членов "группы", с В. И. Ярхо, я просто мало знаком, он никогда у меня не бывал и наши научно-педагогические позиции противоположны. Я более знаком с Петровским М. А., но и с ним расходился в научно-идеологических воззрениях. Единственно я был близок с Габричевским А. Г., но как раз он признан по этому делу невиновным и, во всяком случае, никакому наказанию не подвергнут. Каковы принципиальные политические установки названных лиц до сих пор точно не знаю, ибо никогда и никаких разговоров на эту тему у нас не велось; отрывки и цитаты из их признаний, читанные мне следователем, вызвали у меня резко отрицательное отношение. На очной ставке с Петровским и Габричевским им поочередно был задан следователем всего один

вопрос, подтверждают ли они свои показания /мне конкретно неизвестные/, показания от такого-то числа; мне не позволено было задать им какие бы то ни было вопросы и требовать разъяснений.

Пердъявленное мне обвинение я не признал и не мог признать, хотя в порядке самокритики допускал и признавал, что своей общественной и политической неактивностью и недостаточным вниманием к окружающим меня мог дать, сам того не подозревая, повод к неправильному толкованию моего отношения к Советской власти. Это, повидимому, и привело следствие к противоречивому выводу, что будто я стоял во главе контрреволюционной группы, сам того не сознавая.

Если бы следственные органы более внимательно и критически отнеслись к показаниям оговоривших меня лиц, а также к моей действительной работе в 27 г., равно как раньше и позже вплоть до момента ареста, то понятно выяснилась бы вся вздорность опровергающих меня показаний и приговор, осудивший меня на 5 лет ссылки, стал бы невозможен. Никогда я не принадлежал к тем буржуазным профессорам, которые встретили враждебно Октябрьскую революцию, но убедившись в выгодах пайков и охранных грамот КУБУ, пришли к признанию Советской власти. Революцию я встретил радостно, приветствовал и работал для Советской власти с 17-го года.

Я хочу, и несмотря на свой возраст могу, еще работать на фронте нашего культурного строительства. Моя основная специальность философские науки, но знания в области истории науки и языкознания, а также знания почти всех европейских языков /англ., нем., франц., итальянск., испанск., польск., шведск., норвежск., датск., украинск., болгарск., латинск., греческ., др. еврейск./ дают мне возможность работать и в других областях.

При моем теперешнем положении, вопреки категорическому ~~обещанию~~ заявлению следователя Скурихина, что работой я буду обеспечен

Увед. для обеспечения работы мне в К. К. К.

ни одно из издательств не заключает со мною никаких договоров.
С момента моей высылки мне был поручен только перевод одной
книги Гегеля. *Френ. Дукс.*

~~Надпись~~
Прошу, приняв во внимание изложенное, /а также несоответствие наказания вине, состоявшей в недостаточной разборчивости в выборе знакомств и недостаточной общественной активности/, мои годы, ^{на крайне рою} желание работать на пользу социализма и нашего культурного строительства, ^{содле} отбытие половины срока высылки вернуть меня в число полноправных граждан моей социалистической родины, ^{и прошу} дать мне возможность работою на пользу ее реабилитировать себя не только от обвинения и оговоров, но и от подозрения в моей причастности к каким бы то ни было контрреволюционным организациям, группам, действиям или замыслам.

Л. М. Миссер

г Вн ишведск ввз.